

ПОЭЗИЯ

Борис Кузнецов

ВРЕМЯ ВСТРЕЧИ

роман в стихах

посвящается жене

ВОССТАНИЕ ОТ СНА

глава первая

А дурманящую дремоту

мне трупнее, чем смерть превозмочь

А.А.Ахматова

1

Камнем захватывать сны возводить, и с земли,
Перегибаясь по пояс, пропастись с прощатым.
Если б могли мы от корней прогнуться вдали,
Словно трава в одиноком долгу у кометы.

Может быть, меньше тогда оказалось сторон.
Север и север, как сны и ушны, и Успенье!
Сладко наслушано в звонный заботливый звон.
Где эта пещерь, что скрывает волшебное пенье.

О медитация! взвучь со всей верботной —
Чайная ложка огня для забытого года,
Но подымая войска на знакомый убой,
Не поспрашивай развращенного слова — свобода.

Над не пишущим вери отчаянной властью
И распытай ее красные белые косы.
Только посмей эту сеть отвести и напасть.
Волосы русы, глаза и поступки раскосы.

Между надбровными дугами чертись черту,
И по глазам проплываешь тяжелой рузю.
Здравствуй, светлейшая, радуешь, ближе к листу!
Будь паровитой и не стыдись паровоз.

Мимо тоненькой вербочки, втертой в чертог,
Глянцевый голос ее украдая из клети,
Птичий прибитчик скрипучий везет коробок,
Понемножкам корнети, насущный и третий.

Именно три измерения в неба лице,
А многомерный континуум — дырка в опухле.

О, пролетай, завитая стрела, о стрельце
Все позабывшая, все проужившая ушки.

Что же толченого, каменного, или в шаре
Насобираю и сложи, и заклаю, и изведу?
Роздик молитвенный? чувство тепла на горе?
Все остальное справляет чужую победу.

Не псаломщи! на то и дано естество,
Чтобы дарить и не предобратиться в основы.
О, несомненно безумный вопросец: в к о г о?
Напоминает о наших замученных совах.

Вот и настало чернильный отирить коробок.
Глазья заведутся о нечно не спящей царевне.
Глазки разирались, а в каждом пространстве влубок.
Главный герой насмотревшись проснулся в деревне.

2

Там, где жемчужина волн жемчужовод,
Когда ты встал простоволосый и мездешный,
И направляешься. Но ветер так повеет,
Что остановишься. Вот и стена безграничной
Жемчужины волн в мгновение ока,
Но шаг за шагом — тонет и морона.

Платится уживаемое время,
Но пропускается пережитая стужа,
Поэтому на лето ты не с теми,
С кем можно выходить наружу.
В передернувшись улыбкой чужой,
Ты спишь еще, но топчешься с луной.

И все, что в этом лучшего отмечу,
Взойдет над головой с зеленой дрожью,
С которой наду тайну человечья
Потянет ветер в степь по бездорожьям.
Всего-то и пройти да она в рацею,
Но вот заплелся и позвал Цирцею.

С нечеловеческим каким-то темным жестом
Пробилась женщина и говорит герон:

"Я поздравляю вас с хорошим местом,
И с этим утром поздравляю влвее". -
Саму себя лвила нспадая.
Герой заметил, что плывет не тая.

А между тем, он получил на лоту
Несметной власти омутный придох.
Прогнулся, подомел тинком и кноту,
И то, с чем он метался как акрица,
Вдруг поглотилось сущностью небесной,
И возвратилось чистотой телесной.

Прощаясь с тенью пожелтого мира,
Где перхат нас почти по-матерински,
Вернее, по-отцовски: гордо, сире...
И вот еще: платочек исполнинский
Я развязал, слепив его с луною,
И в героя нашего отерю,

Который переходит в явь, как в яму,
И сыпется песочным водопадом,
Поднялся за рисунчатую лему,
Подобен грому, называясь градом,
В конце-концов, упав на дно тараном,
Он пишет продрывленным карманом.

О, дальняя претензия Лакурга!
Я солидарствую - вино ведет забвенье,
А тот, кто измечтался в Лемкурга,
Качается, как плод созревший зренья,
И падает на лона сна глубоко,
Как вырванное с красным садом око.

"Ты повернешься в солинику, как крикну,
И, может быть, я буду волею сменяться,
Потом увижу, обниму, отвинчу,
Твои глаза заставляю оставаться,
И буду сотрясать бесправный остов,
И буду как пловец, узревший остров". -

"Сегодня понедельник - день тяжелый.
Я сделалась какой-то колесницей.

А ты какой-то воин, ворон голый,
Со мною обращаешься, как с птицей,
А я верчусь, как белка и лисица,
И колесо, и выпавшая синица". —

"Напрасно ты, голубушка, зарекалась,
И замахиулась скромностью ресничной,
Тебе бы петь, как мне во сне летелось,
Тебе б прослыть веселой и тонкой,
Но ты свою заманивала метку,
Как пензенку в руке или конфетку". —

Герой проверил кулачок прозрачный:
И целовал, и плакал, и ридился.
Она ушла походкою неважною
За балом водой. Он нахренился
Над деревянным рывеньким корытцем,
И пуховое рыльце ввёл коньком.

Плачевно все. В розовые венки
Несметной востости плачевны несказанно,
А в молоке коначки колечки
Слегка припозвели, конна Анна,
И воскрешает таинство новалдой
Игрешный вокруг палитры сладкой.

Восстание от сна кривит зеркально
И лес, и женщину, и голубка, и конку;
Брачуются в ночи, но матримонциально
Снежат к пресветлому окошку,
Черти сомнения, как ленты озорные,
Нащупав на воздухе в минуты даровые.

Что высмотрит геройское признание,
Лучом скользя в атоме балуя?
Старанье зла, оскал смертопаренья?
Или дорогу к дому — аллилуйя...
Смолчим в числе, недоветившись в росте,
Склоним себя подобно тонкой трости.

Земля без края, жизнь без перелеска.
 Пустыня многообещающая взора
 Следит, как нависласть простая леска
 В кругу воли и в прищипке собора.

И незамысловатая ресница
 Пливет водой и воздухом, и зноем!
 И может быть она проговорится
 О том, о чем жили странных трое.

На в том, конечно, свете и объеме,
 И нет заслуг для столького богатства,
 Но может быть зачем есть дом? И в доме
 Какой разуре нам обещает братство.

На некое вещество заглавно,
 Но то, что в кристаллической решетке
 Переменится, когда легко и плавно
 Накатит ч а с а в пропавленной пролетке!

И спрогая, и твори приуном
 Новацию, как царство и как действо,
 Переозвучит гласные орунны,
 Ослабит взгляд и отведет змелейство.

И рифма вдруг в пальто полупальтоном
 Возвращается нам в повиновенье,
 И в торжества беласом и ледовом
 Преследует чудесное мгновенье,

Которое, как чаша и как сфера,
 И как лицо, и крест летящий в купол —
 Есть самая настоящая мера
 Для эдешних кукол.

Сон проторен, гремит в ушах помолна.
 Сверкает плат и теплится рисунком,
 Герой пришел и тянется, как стрелка,
 Как перет ореди ему подвластных орунок.

У Т Р О

глава

вторая

И сплет в него теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна, одна идея

А.З.Кольцов

1

Воздушный шар над бранным полем реет,
И светом цвет залит.
И музыка песчаная слабеет.
Старатель спит.

А я слажу и в образе героя
Куда-то побежал, потом вхожу.
И развеваю ветвь холм с золою.
А время копьем ползет к ношу.

И встретились в середине циферблата:
Минутная и часовая...
И нет во мне ни слова, кроме мата.
Кричу в чулан, с постели не вставая.

Теперь, наверно, дань моя орде
Неактуальна, но прочищает уши.
Ординцы приступают к бороде —
К волнам морским, чернеющим на суше.

О, как похоронили мы с тобой
На травянистом листике и млеке!
И может быть ты сделалась листвою,
Чтобы забыть о встречном человеке.

Смотри, как навренились облака!
И так смотри, что замирает кроны.
И двинувший наклон издавна,
Как вражеский участок обороны

Выбрасывает белоснежный флаг,
Затем другой и третий, и десятый.

Ромашка, кашка! как я бел и наг,
Какой вокруг меня простор распахнут.

И пламенем /суть ангелом очес/
Проник, преображен, вызван остротами.
Пушная трава пред небом будет лес,
Пусть будет лес не лабиринтом мненья.

За память, нацеленной в висок,
Песчаная, прощальная поземка
Затягивает гордый голосок,
И задувается вискоблачная кромка.

И все развешенное течет,
И лишь душа, задержанная взором
Кеноподобным, светит и печет.
Ограды нет, но трапеза с притвором.

2

Синово века сего, мудрейши паче,
Синово света в роде своем суть. -
Нисусе, если бы иначе,
Нам бы не понадобился путь.
У отроковицы, лаль воды слепицей,
Есть просвет на правилих настоящий.

Храбрая река. Вода и тайна.
Влага - календарь. Мгновенья речи
Это тот же строй, когда случайно,
Все что абсолютно в сердце встречи!
И чинится нога злыми ладом
Предваряя роет перед парадом.

Утренник горит. Молчит печать и чаша.
Накорми ресницу виноградом!
Может быть проходит смерть не нудя?
Может быть! Скорей всего... Из сана
Ничета царит и злыми взором
Перестала путаться с укором.

Голос — даром. Разовьё — не першит —
Пальцы полколечика веночки.
Всё ловил бы молвия: "не отвержи...",
Начевах бы Святого платочка
Поразался бы примятостью за ухом.
Остальное все искал бы слухом.

Нищета, не правда ли? За красом
Волонтеры в контуре завода.
Темных сил медовая гримаса, —
За моей спиной нет народа,
Ибо маняк другого свойства, —
Голос не герой, но как разит геройство.

Сильное видение долины
Превратилось в городскую сплетню.
Под лучом таинственным и длинным
Я увидел гору многолетнюю,
И, вернувшись к голосу-изитору,
Вспомнил про Содом и про Гоморру.

Многое, лиру в фаномане,
Поклялось какой-то тонкой тропкой, —
Тайной наслаждения в измене,
Внешней нежностью лирой и тонкой.
Отроче, на голосом известным
Ночь тоска о странствии небесном.

Утро входи! Растворяя дворы,
Снибавсь... — вы давно открыты.
Всё, кто жив мечтой о высшей сфере,
Как пост напишет: пламенити. —
Всё, себя не помня и без зава,
Потрудитесь встать, идите снова.

Даром верноподданный огарок.
Через лес бежит тропинка леса.
Очарован! сколь пуглив и марок
Свет лампы под густым навесом.
Очи ночи, на дворе ль не светло,
А в часе сень млекущая ветли.

Отрок в произбытие сознаний страха
Клонится, испытывая ясность лика,
И его пронесется рубака
Имечной касательностью крика:
Серебром, отрапавшим навети,
Пронизывает молоко о человеке.

Утро белое. Присутственное слово.
Имяславство на лесу Кеуса.
Сколь часовня деревянная слова,
Столь за видностью млечного бурнуса
Остается в пропорциях навечий
Голос леса на разводах встречных.

Вся дуга для утреннего зно
Завенела знаменьем строем:
Яблона, лица или ораха,
Дерева, аната!.. и поорамлением
Двойственного гада-антропоина
Заквернялось прозябанье исполна.

Всем и один. Селенна муче: очень, невредим.
И вполне возможно, что точнее.
Световое яблоко едим,
И по воздыханному ален,
Ферии слоник полем прознав,
Инизиам тронутостью трав.

Что исчезать на утреннем дозоре?
Не приобретения, но отъятия.
Равно ми в своем житейском море
Разкинемся освещеньем. Спятки
Трудовой чешней. Бравды живые —
У моих деревьев гнутся выи.

Кто идет с отрапом и парем,
Скинотром, пернавом и дерант
Глаз, приглубясь "молочным парем!
Кто принимает: "Не отворяй...",
Тот и посреди глухого леса
Может петь и царствовать немного.

Храм и дом. В часовой светозарной
 Ласточкин дригвер к погосту ночи.
 И летит над трепезой тварной.
 И летим. Прочтем - не опорочим.

Голос приближается к распятым
 Точно так же, как пространство к звуку.
 Простетическому встречному понятию
 Я протягиваю выспреннюю руку.

И внимаю световому дому,
 С лоскута окна в куток сознания
 Провожу по знаку меловому
 Семь высоких звезд в темноту званья.

Не разлить зеленые чернила,
 Даже если голос разливавший.
 И возге, что выдохнуто было:
 Семь чудес для этой жизни данной

Так застыли немоту и нуку,
 Что одинаки бывшее небным престоилось.
 Звезды взяли руку!
 И виденье сильное являлось

По небесному канону содроганья
 С ничтою пиршественной славы,
 Не для щепетильного вниманья
 Сцен любви, ловитни и расправы,

А для прерожденного творенья
 Той судьбы, которой нет на карте,
 Для тебя тектон, для построенья
 Горницы вне громов и вне картин.

На прохляках светового утра
 Упокоена лазурь и зелень лета!
 Цепел от костра летит, как пудра,
 Вдаль лица струнисто от света.

Будет день на открытом поле.
Будет лес и ниславетво леса.
Наших прадедов гневил и пороил
Для того, чтоб понимали беса.

Полдень вороват земной молвы,
Голосом луча и медью трона.
За ресницей! за другою! за бровью
Ласточкина плавает корона.

ПОДБЕИЬ
глава третья

Он приходит с белых полупан
Весь в очех, как лут в медовой

каше
Н.А.Клюев

1

Власть чуда к себе предвара слова,
На почтаниом различьи, с прозором,
Принимая лицо за возможное два,
Препинаясь налюбленным хором.

И, накутавшись вдоволь, посетник колец
Придержав эллипсоидный очок,
В цирковом предкуполье вправив венец,
Проваливая одежду и почерк.

Имловаренный край! в желтогубой пыли
Сам оскладевшего гада прельщам.
Дельтовидную речь различая внаки,
Бесконечно прямо и прощам.

И хорак, и дуэт, и квадрат, и кольцо,
И тем более Солнце Сиона!
Словно грязь золотую бросаю в лицо,
Но щекан ухом с небосклона.

А на дачной снине настеланным глухой,
Ручьевидную мельницу-птицу
Накрываю огромной пятнистой ольхой,
Как сверчка от печи в рукавицу.

И престудную розу на ухо слону
Прикрепив, говорю: о д е х о н и а!
А когда через семь мановений засну,
Не воспоминаю слона за слоника.

Но грусти, полоумная бабушка-снесь,
Дочка, внучка, ресница печали.

Называется - суть, а придется иметь
След сошедшей с полотнища стали.

Розовеет примета. Не встретить слезы
Глубину, как страстищу грудную.
Оборуд-возможный войди и возьми
Меч в молочных очах поцелуй.

Амальгама в полях, на воде и в окне
Развлекла и развоняла туну,
И горит в безадаберно-зеленом огне
То, что я никогда не разрушу.

Чья же память воздушного сада в крови
Облакует от полудна-звона
Зацветавший свет. Вечеренный зови
От лица освещенное лоно.

2

Где, любимая, горло твое надрезается вверх,
Или линии три надрываются - не надорвутся,
Различается склон и река; и внезапно-хрипых прорек
Ножовые лучи отнесут улынуться,
Линь размазав зеленого взгляда сурьму,
Дословное растение, ресницу саму.

Капля верности в радугу, в град полнебесный,
В сад - свисавший сахар, в молота убоганье.
Это полдень. И волею водопала отвесный
Луч, разрыва корни, не заснувший за границью,
А растянутый так же, как надрезанный воду.
Это полдень таинственно полный от ролу.

Свет за нами. Подвигнется солнце немое.
Отливается волоси к обору цветочному.
А запыля в темнине ноги отлив
По старинному дну, по обрыву песочному.
Иголка, гонимое кружево времени
Расплывает, слепит и смеркается в темнине.

Дарко мак. Но не сынется зримый ручей
В саде сна полузвонном, в харовне. И нет
В чашке рыбных отблесков тех же очей,
Что просохли за миг в этот жар, но не в свет.
Всей неострецей томимые зерла дерев
Удивают друг друга на вечный распад.

Как за ремной из собственных рук тяготеть,
На восчувствии тающих зрительских мух,
Точно так научаешься видеть, дозветь...
И кропления крестом перерезанный круг,
Состегнув страховым одинокою сущь,
Умудряешься стойкости выпревших душ.

Ангел смерти в зрачке, рыбьями рыбалка верной.
Ноздреватые улицы палисадов крестовых.
Вдруг послышалось сладковатое: Вей!
И западали красные птицы с деревьев плодовых.
Артистической гласностью попаданий прямых
Предваряя: "...восхотел еси жертвы, дах бых..."

И лизался, говоря на окрепшую веру:
"Молодятся кровавые зерна земли,
Зеленцы!" И золотом, как генерал в офицеру,
Серафических крыльев палит и мерцает угли
По аллеям реловых и липовых, и тополиных
Раднальных усадеб. Опасений козих и козлиных

Исполняется близкое предание на облучке.
Только стой, подступай! В заготовке смолистой
Древ улов... В позапрошлой главе на крышке
Те же рваные рыбы в воде каменистой,
Что сыскали себя под мамарийской тенью,
Угасались телятиной на удивленные растения.

Анна, Сарра сверкает, Перцел за печкой слепит.
Миллионному дружку не взглянуть на царство.
И как будто бы вспомнили тех, кто еще не убит,
Для того, чтобы действие смерти отстоять от митарства,
И пойти провокаты названные глаза в дар лучу,
Словно не было чуда, и не о чуде кричу.

Полюю в горнице полдня, но памятно ли?
То есть той пуповины не забыть бы упусти.
Самолетом расторгнуто небо, пролет ковчиг.
Только вот обличает горячая ясность старухи.
Морозильные приемы греют, словно в связке карты.
Память падает в реку, а я ей кричу: "Не кричи!"

И бегу подчиняться на встрече дневальной с тельцы,
Словно в край роковой, восковой соглянута-благая.
Но уже с полуполдня купцам наши купцы;
И куражусь; умоли сценичный родник.
В тле ладони, песок зачерпнув на разброс, -
Проспишу зубами над сныщей

И как Ричард с рукою умирной среди звезд,
И как верный Личарда в очах световых,
У возгорания раннего выпревший крест
Из песчинок полутных и слез жаровых
На ее новоселье в хоромах и в грозе
Той лези колченогой, или которой береза

Самолет заварной городского ума
Не водил, и не клался сибирской тоской,
А в зеленых разводах словесность сама
Провокала действительно мудрой рукой;
И наверное, неважно знать напрямик,
На какой указала в верховья родник.

Потому что без песен, шум воскресный пролив,
Обойдемся вполне и обойдемся, но,
Если свет, за которым всеобщий прилив,
Отстранить в беловатых очей домотно;
Это то же, что вырвать свободу-белу..
В зрелом требище сада у тельца на виду.

Все цветы отовсюду, как алчущий взгляд,
Собирает росу в алясочной мазеи..
Даже выбранный мед, поглощенный догряд,
Растлеивает гремящую крепость на две;
И как парным орлам на фронтонах не млеть,
Точно так же и нам не вкушать, но ползеть.

Воин - ворон. Вельветовой пакоты сор
 Залузается и в почтении ичтается.
 Изнутри прокиносится пресекующий тонор.
 Умозрительный гвоздь на льдони краснётся.
 Голоса послушают себя, но сверкается меч.
 И горчит одинокая ярость в запрете.
 Только нет ни кровей, ни оврага, чтоб лечь;
 Смерть отдельна, как в Ветхом Завете.
 Разделяя, но и чересполосицу режь.
 Одержимую корду преследуй!
 И за солнечным словом должную брешь
 Вседимая во елику победу.
 В удалении дерзком от вечных очес
 Приближается взгляд поцелуй;
 Нащупывается поле с цветами и лес,
 Покоряясь, любя, но воля.
 И когда листокрылая прозь со синими
 Опрокинет глаза, как на плаху,
 На коричневый пенёк воле хвостом стени,
 Вспомог: "Прах и пепел нишкун..."
 И в немотетии позвонке возмужает луна,
 Богатышский голос оставив,
 Меластеть, поклоняться, скорбеть не спеша,
 Поздравлять и проснуться поздравив.
 Ибо ливь - это то, что до нитки наввах,
 И в мерцающей лесной паутине
 Страхились, одумались, вцепились и апап
 В содержание небо картины.
 Ну а нин растоплена печь полуни -
 В корчах часа, в неделе забвенья,
 Точно так же, как если бы рвали меня
 Изнутри, в глубине озаренья.

Но и духа недуга в сущьбе золотой
Пребывание ярости ради,
Это та же горячка на вечный убой,
Что содержит мечту о награде.

Молодеет пространные муки лица,
Начинается зрячая яма,
Снихождение тела с резного крыльца,
Встреча Солнца, восходящего прямо.

Д Е Н Ь
глава четвертая

О, солнце! чудно ты, среди небесных чуд!
И на земле прекрасного так много!
Но все подальше, иль втуне серебро...

К.Н.Батышков

1

Молотого в мельнице не счесть,
Мельника к прежнему счету
Не завязать. В карман вырывая десть
Писчу, разболтанную с лету,

Улыбнись, и висельни в глазах —
Больше прощай стяннуток и зерцалу —
Восхити, поскольку вдох, как взмах,
Распускает розу в воню аду;

В рядном, берущем ток огня,
Затаи в времени кислую,
И цветник, и мочали, где стерни,
Ветра дымовую алаяницу

Разметав восчувстванам корней,
Лезет вон из нкури в пещищенье!
Там и мы, самим себе зидней,
Красенные зерни — без зазренья —

На телоподобии равнин,
Вне корней, но в голосе и части,
Листвене соборное в еднн
Вовлекаем ор, мятущих вместе

Облаке по радуге сачка,
Волоком идущего над лесом
Косвенных керев — в глазах сучка
Собственных не видя — под навесом

Неба малахавого, — ...вершин
Навность опрокинутую в воду
Падающих граней... на плещин
Побережья позднего... К закону

Взгляда простого, в зерновках,
Осторожность детская светлеет;
Ветер на волне наматает: Ах! —
Ангела! и ангела лелеет.

И мушкетерская морочная сапунит
Только сну гда полуночи;
На дорожке между вечных плит
День-денской навлеывает очи;

В точности, как птица скорлупу,
Для сознанья формы и зиница,
Наклонив бесшумную тропу
Над столбом, в котором мось и лица.

2

На локтях протертое за лесом,
Занятое на плечах округленным морем,
Небо! В петушиных чадках с загесом
Колесо прострит; пойдет — обормит!
Ход тинавших вод, бженье в него.
В небесах надежной на телеге.

Авва Дорофей, на радиалах рая
Кованого круга грязь блистанья
Истекает взвизгивая, густая,
Облачная... В дельте расставанья,
В центре излучаемом, ручьином
Невозможно ни певцам, ни херувимам.

Радуги симвов, ресницы в жемах,
В человах путь, в земле нощенье,
А в стене и крыльяхках прожженных
Полуграбный длеск и мелушенье,
"...явится дуга моя во облаце..." — восхитит.
Муравей за кореньками рваными вслед цветам летит.

В замелованном: метель и мех, и млеко —
Серебре, серебряном кольце, —
Правая рука вевитого человека
Остановлена, прочитана в лице
Главная готовность Страха Божья,
У престола, у его подножья.

Кукель, надеваемый на кутор, ветер именуемый — костер.
Уверенье дальнего погода.
Небо, для которого простор
Промножитель голоса и роста
Духовенный взгляд — пронзенный след —
Ни стоишь, ни крыльев, ни карет.

Теплокровным выдумкам смитенья,
Как штрихам, темнящим пустоту,
До очередного сотворенья,
На влюбляемом, венчающем лету
Мучимое поле гнать цветами,
И краснеть, прекрасивая с мам.

День-деньской не под руку берет,
А призываает дуну. Над рекою,
Солнечный разматывая мед,
Коркой коммюнаром разливом
И утром, и усмерю
Сей пейзаж от тела к пустыре.

Все возмни и все не различима,
Ибо все напоена всевозможностью для неба и для льна,
Для вины и для вина.

Не сокрой к престолу жертвоприноше,
Выступится цепь и разметутся змея.

Облекаясь и лонясь, ведешь.
В странствующих сводах мощь прощенья.
Говори по радуге: "Прощенье!", —
Сам усматривая; попушанье
Теургического скрижа двоят.
Не творенье, а творимый вид.

Сила Логоса не в голосе за кровью.

В трезвенно духовном дустыре

Проступает скальное здоровье.

Каменное сердце на горе

Лжет в ключах от владык ковчега:

Тронул рот и голубь в виде снега.

Так от прака под стопой до камня,

Или перети до скалы, горы до сердца;

До очей с ресницами меня; —

Радуги — руки...! До многоверца

Многогорный воздух воспален

Чувственной свободой из пален.

Да! одушевленная, протинь! —

Наставленья ангельская масса —

Это вечно искренимая высь —

Вера, а она же и закваска...

Но квасцы и мед из странствий в прах:

Усвоенье духовки в горах.

Солнца полусонного круглая,

Сердца говорливого светелка.

Может быть тростинка, как маяк,

Странным в след и жертвенник, и елка

Новогодняя. А от горы родит

Только тот, кто гору городит.

Азбука... зубцы ее блажат,

Будут истончаться земляникой, —

Снегом, то есть солнцем. Рот разжат.

Улыбается. Поет. Рекой Великой

Придикивает метко и легко:

Солнце в сердце, в небе молоко.

Прозвещая малого гонца,

Но, не называя господином,

Торопясь один. В разгар лица

Не влюблен, но находя единым

Всеразличие за подлинность имен,

В них по вере и безверию влюблен.

Зала красноталая палит
 Разливая призрачное тело ..
 Раструба, восхитившего вид;
 И теперь, покоящийся смело,

Взгляд к вазону новому пропел
 Талию, Аглаю, Персефону!
 Может быть и прост, но разве смел
 Парус, наклонившийся к затылку;

Облака, округ радужный бедра
 Разве любострастен и не болен!
 Только ту, что видел у одра,
 Помню и зову. А разве в поле

Занебесной ласки не возмю
 В косях исцеленного зврага?!
 Нет! не видел, а молил... ему,
 Виденному рассветная влага;

Нар перераспек глаза и рот,
 Побелил побельщи, — и глазури
 Наследил, любивший лить, Брот
 Вместо глаз лавровые дуги.

Сладкий намекает в стороне..
 Путь — нетух. На верхотуре горной
 Конь — огонь. Крест-накрест на коне,
 Голубицы с голубком проворной

Рваное несется колесо,
 Вертится малиновая рака;
 И над всею звонницей весом
 Свод, в котором слышно зерна мака,

Темно-голубое берегут ..
 Карие тела хрипятих лодок;
 И беретая самый крупный хгут,
 И без предварительных обводок

Озеро впадает в небеса,
Поле устремляется за лесом,
Солнце превращается в леса,
Облака, пренебрегая весом,

Ибо в них и озеро, и лес,
Малые края влекут в глубины!
Загорается звезда небес,
И горит на берегу долины.

В Э Ч Е Р
Г л а в а п я т а я

О, грустно, грустно мне!
Дождей тыла густая
На дальнем Западе,
Стране святых чудес.

А.С.Хомяков

1

Снуешь крапешься той теневой стороной,
Где постоянная яма погасила крошку.
Вдруг, раздираешь завесу по правде одной;
Пращура кажешь себе самому и потомку.

Сладость зыблет, навязнувши мрам невода.
Свещница светлая в венецианском каченьи
Треплет язык. Восковая распарина льда
Вянет. Пространство прижмет в померченьи
Глаз разливанную. Распеленая забытье,
Плотное око, пробравшее крыя долькиканье,
Глянется тайной, питающей сердце мое.
На удаченьи темнеется абрис вликанья.

Окна и окна; грозят и грозятся гореть!
Клиньями линий под куполом сводятся счесть.
Перемещается кухонный конь. И сквозь сеть,
Те же глаза через зал... и балы, и полети.

Крохотной фее продернутых бус звукоцвет,
В облаке дегтя зеринцу слезы сладкогласной.
Плавью Офелии, собранный ею букет,
Переизливает поток огневице-атласный.

Млеется, смлет, нудкает свободы-бедн!
Воская темень потворствует волни страстному.
Ноная ночь размыкает пальные слезы.
Из дому тянет волна, приступившая к дому.

О, вознесение неслуха, грехи слепца!
Име не иде, блажен и полаген — не мешай.
Самоприсвоенный аз; горенье и тленье лица;
Радость и горесть на смену друг другу пробавкой.
Не прекращается кровавая впитанность слов,
Могущих ночь утолить и возлелеять влюбленье.
В храме земном ликует небесный улов;
Всех серебристых путей замедленье.

Весь, всеосмысленная машина молит угли;
Хладная рана колер петушиный сжигает.
На нераскаянном горнем обрыве стады
Полупрозрачные лопатки. Ответ гадает
Костовыйному в голдом козоре, чтецу,
Сроком смиренная, напутствия смертного краем!
Плавную тень прилекая к цветному лицу,
Грезит пространство и сам соловей посылает.

2

Воронка темная протянет бахрому
Напутанного воздуха по краю.
Восьмиугольник матовый в корму
Заделанный, сморгнет. Звезда вторая —
Дань настоящая — напугает иглу;
И орлеца на сметанном полу

Проньет в крилах. Завистника мамонна
Прокатится коляска с чердака, —
И вот уже готова распашонка:
Дереви, дом, вывар — муки века.
На талии огромного соседа
Завязана кисейка. Звезд беседа

Молотит в око свергнутой судьбы,
А губы намокли от слезодной;
И хочется снавать... не кар трубы
На вышивке подносной, как колодкой,
Обстать умест так стои путей,
Что звук, как камень, втянет без затей

Губное тело в олово подмостна,
В котором обернется щит небес
Заклепанных. И малая повозка,
Так театрально смитая для пьес,
Смахнет крылом в минуту прикровенья
Колесце млечное — и покатылись звенья.

Так рассказать за шиворотом лет
Героя влюбленное участие
В плену Луны и Солнца... Был ответ:
"Сегодня понедельник — день тяжкий..." — к счастью...
"Напрасно!.." — продолжая глас. И втуне
Все серебро в расцвете по латуни

Зелеза, олова и накинн волхва
Готово-теплить и сурьму, и Лету,
И Стину, и Ахеронт, и вечность номер два
Протоплатоников. И эту злую смету
Расчесов дятных на заднике ковра
Готови содержать серебряные бра.

Вся лунная пасхалия трепещет.
Умеет дупна встретиться с судьбой.
Огонь прожаний, полоконник... вещи —
Возможно женские, но человек с трубой
Совсем не человек. Его Луна полна.
Ему и наша чаша подана.

Благословляет море. Похрустеть —
То раковинной костной, то соломенной
Выходит ветер и бросает сеть —
И плачет прочитав, и жжет сиреневой кромкой
Сонарь загадочный сквозного светлячка,
Играя на кругах от чашки до сацки.

Так-так, парящий кубок с головой
Адамовой зальет крестницу змея,
Как выю к раменам у башни смотровой,
Ни и в его гнездовьи, не умел,
Прогнемаи девственно. И в пропасти крика
Сметаю плат с названием стола

Кровоточащего. И шурша, и песница
На хуторанской населенке огни
Преподрут разлаться и развиться
Крупницам о тебе и за меня.

Ничто во Мне не сквернит во мне!
Смиряться аз, в пощих обо мне,

Светопримичных плавник звездопада,
Касающих одной большой дугой
И воре, и крови! И в бархатце заклада -
Тельца, преподносящего покой, -
Возблаграждается заведомая рана -
Печать посла, чей перстень, как мембрана

Древесных ангелов в летучих зеленых,
В пунктирах осторожных и проколах,
На кожном яблоке, закушенном на днях,
В заветренных губах, в лугах и долах -
Боль обожания и явь стеснения мной
В отточенных металлов и камней.

В завете чистоты запоминанья
Спит отчий причет, сменяющий стада
Бесформичи, а колыбель задыанья -
Отрицательный матирик в сага
Свидания прапрадеда и щери,
Слепящих ототонением от двори;

Но такое задухающих в лицо
При свете возвращенности на круге,
В крилах бледно-английских, на крыльце,
Которое растительные пути
Водкнют в умиленья тесноты
Под самые небесные черти.

И холодею под кровлей дражки тканной,
На роздыхе сминалась и кружа,
В необозримой праздности пространной,
До тьмы еще, но после додека,
Прометная плоскости раздранья,
Воспоет, воспоет и взвеселит рыданья.

Кровь заходящего Запада в летнем пульсаре;
Росчерк живой по малиновой водной поляне;
Взгляд среди тени ажурной, и как бы в распаре
Встреченный ветер в минуту глумленья ледяни.

Складка заправная; речка, гора — и слезанье
Плоти мятущейся, оцекенной ртутной краской.
Струн завитой. И толчок. И свечанья крошечье.
Сводный в груди переклест. И над сердцем растаскан

Ворох дырой прямолучного сада землицы,
Дробь дремлющей лескутного волоса дыши,
Ядрышка ямки — звенящего слепка над спицей —
Уготовляньем и сверкошкляньем всположен.

В тот же пролет, или лучше сказать — разбиратель!
У пустоты и провала просеянным зреньем,
Сыженным вплоть до зрачка — человека в кровати —
Набранным страшным медугом, медугоправленьем.

Некто и здесь, по своим ступеням обнищанья
Рабь испрямляя лобитой на свет багрянцы,
Только и просят руки, и в прощенья тцаньи
Связь среди них; среди тех, кто святыне страниц

Всехать прощанья. И на Севере сердца пресветлом
Сквачен блистательным обручем в доле сведенья:
Средней смозовницы холодной на вербные ветви —
Во прогибании тени всеочного бледья.

Так и дорога раскрашена замахом ресницы,
Всей, кинувшей в братнем хрусталике, чашей,
Чтобы звонить на позиции, пыльно птицы,
Как на растенья взирах, а растенья полне

Звуком зеленцы, затем по лазури серебряным,
Правня дорожку прозь глухоты оглашенья
В рукодабренном слагании, в духе медвяном,
В правде пространства, звучащем на грани прощенья.

Той же раскрытость путник бывает отмечен,
Переглянувшись в заплечном огне голубином,
С будущим страхом за другом, за знаком овечьим -
В остросердечьи вперед поклоненном, повинном.

- Боже, прими, прости нам светов оставленье! -
Твердь закликала и вторила слову для тела.
Как-то по-новому ночь простирала селенья,
Впрочем, простерла все именно так, как хотела.

П О Л Н О Ч Ь

Г л а в а н е с т а я

Чу! внимайте...полночь
бьет!

В этом бое умирает
Отходящий в вечность год...

С.П.Незряев

1

В рукотворенном ли, правосты правом веденье
Всплывающих звезд в горловину мешка — страсговзвона,
Храмостаратель — смотритель с победною тенью,
Сулорот сродник — претрепетный ангел амвона.

Кто только тот...? кноса, куневелье, пороша?
Опук похуночный, млада засвечное в лике? —
Лма загложная, веронзведная ноша;
Певческий вечер: отцы и уроцы жалки.

Воз семистенон, продал запремавшим и тучным;
Сравнивал пласт и пути не тревожи в заботе,
Мысль ликова и земное прикинул неразлучным
С белонебесным в едином всеведном комнате.

В хлопок колонн, отливавших на разнорядьи,
Мог запасти островерхое сердце свеченья,
И на глазах повторить растопыренной пядь,
Грань замеченный стих и его назначенье.

Так адемант, за пылающим краем успеет
Прет обрести и по образу птицы протаять!
Мы остаемся одни, а судьба ликует,
Ливотворит и с несбыточной встречей братает.

Может быть, нет ничего в расточаемом чине,
Что захотелось бы неть и гадать в поведенье,
Но отчего же тогда величают в причине,
Если в сознании всегда претворят, как в паченьи.

Север высок и на муторном вылове просят,
 Гаснет, гудет, деленит зависающий кокон.
 Серебро-сиреневый взор золотит и отренкиит;
 Купы дерев прикрывают пропитанность окон.
 Да, олинко к повсеместному снегослежанью
 Прамур звезды, колоколац размахнутый страхом!
 Блазнит гордань и уже пересохла и выжженье,
 Рот, как рыван, развалился; и с равным размахом
 Вепорот Восток — благостный спеленутый вымет.
 Прах поприх за движеньем захетый, за летом.
 О, приходите, примите, проситесь — и примет!
 Срок, словно звук, достигает броском и наметом.
 Стои за спиной, постоянная мазанка с боку.
 Хрустнув плечом, наклонился бежавший, и дышит.
 Ясная связь — замирающий мигт поволоку
 Ту, что пристрастное сердце промьет и распнмет.

2

Деленье века семенами спешки.
 По доздуху, по вснаханного сна,
 Продлаться, промерять, — рассматривать насмешки,
 Потом колоть. З-есть свет как педена;
 Молчанье дороге и облаченье блодно;
 И прошлое ничемное победно
 Могутным хохотом в награде цирковой!
 Блеск за иглой! О, речи расставаний... —
 Да так и приутих; суставчик болевой
 Продернут, проведен, — и страстная в обмане
 Забота попевать. За хохотом досуг.
 Шаг по свисту — и оборвался вдруг.
 Протиснутые лопасты страданья:
 Еще я не кричу, — уже упал и рву...
 Примету обратн, достоян заппанья!
 Где новоскительство? налейте алдору, —
 Густую осень в сомкнутые веки!
 И довитие в рваные просеки

Растения ветвей прокляните, обелясь,
На сахарном торгу от неги непритворной.
Сегодня так застенчиво являсь,
А завтра в средневековой,
Известной пагубе на краше вавров,
Блазнясь и властвуя, со сводом на хоров;
Вмалчавший в горсточку чистопосадных вех, -
Вновь прокляты исторгнутой оплещен!
Да так, что по любви напорхнутой на снег,
Во все юности-силу прометнешься
От красок голубых на край ледовой мглы,
Где корабли, как белые столы,
В плавные склонилась великаны, -
Как будто прилепляются в дугах, -
Под светом золотым заботы и охраны:
Благоговения в блаженных мелочах,
Сопутствующих кресту рассудка
Линь для того, чтоб кляв, крыло и грудка
В касанье краткого имели бодрый ход,
В рисовался музыкой полет.
Платежных дум, запутанных к ответу,
Призыв принять в прокошенной дали.
Какую-то крамольную примету
Над сердцем следствовать, когда глаза прошли,
Та потаенные, по ушному пробелу; -
Вдруг оказалось, что приважи к телу
Целти дикания - правления имен!
Запрошенному посылу кеститься
В этих руках. Рассудок раскален -
И это все поможет распрощаться;
Когда от ближнего спасенья нет в себе,
Стань только тем, проходим при колыбе...
Который одаряет не дарясь,
Как ясный день, как ясный час, как осень, -
Как всех даров предарственная связь!
Как плач, печаль и печь после баллажи;

Как приращенье хушнего на власть,
И избежанье теплоты в часть,

Уносимых собор в тесноте,
Движений выженик в размахе многоцветном:
В собора, в самостанке, в высоте, —
В псаломщицании, и в оттыке ответном,
И в храбрости нащелнейшей куни,
О, искупают невидимые ковни

Бесплотные дышанья водонеси,
Рассерженные робостью цветов,
И выберут заряницяны косы;
Искать гнездо оттенков и тонов,
В корнях травы намотанное крохей, —
Зерном волн со скрученными издохом,

Роднящим мелочи и чюла, и гряну
В одну светопрокладную посмыку;
И материнской вылевки ввиду
Возвращая на муравьиную коняжку,
Слепым смущением расплазят нши досуг,
И с венценосным комарьем на круг

По трепыханью сердца вынут брашно,
Которое как есть: кости и крошь!
Зальются в лик! и присягая страшно,
Прихороня ладонями по брешь,
Всю беспреградную единость зова ночи,
На проводях заветный свод расточат

И воле отдалут низать в алтарный мост,
В пролетание мгновения прищелья,
В завязанного воздуха жарост,
В красноту тень и течь после уночья,
Подтянутой куни за ребра нивьяка, —
И видимой вполне в огнях наворачья

Дележи и не нашего округа,
Измальчаных на ткани торжества!
Что слава? и ее бесполоая подруга —
Тоска, когда блантанье ролства

На сангве гулевым из-под лавильных цвета
По звездам проведет и напикает лето.

3

Вдохнув непутанным утихиным залесом,
Печалью прочном, прохладою страли,
Когда с минуту нестерпимым дежом
Росу кровавую засеял на средин

Сущенья вольного всей выворотки тела;
Простал и скрапывал и снова горевал!
Да, каждый шаг перебираем смело,
И невозвратен из живых зеркал.

Но там своим во времени посредством,
Которое легчает наш полход,
А тем, как близость, званная за летством,
В полунутотах надзирает свод.

В нехотном шуме ночи, в тесном коме,
В разинутой мансарде до небес,
И в земляном проточенном проеме
Слитых высот в семивековой срез.

По наданному школьному педому -
До неприкосновенной дали дней -
Все тот же звук раздранья! По-иному:
Не восходя от ненебесных, свай

Разбредный свиток доконом пошлени,
И боль в корнях представится уму
Мучительством, в котором раны ливной
Не преоблеть предсмертно. По всему

Счастному телу неведом гнетется;
И волею невольничества своих,
Уснет разиграться, разотрется
Мальчишскими огнями. Вечер тих

Все той же несамодельностью чуда,
А полночь закрывает круг времен!
И восходя, как праздничное блюдо,
Возвращенном и онедью обелен,

Ты хлопаешь ладонями сквозными,

Направленно кося на бремя лет...

Из-под ресниц, из-под огня босыми
Стопами преступая на просвет.

И радует полуночные тощи

Запальчивые сколи бега дней!

Роса земле ложится на ступени,

Вокруг души становится темней.

Н О Ч Ь
глава седьмая

Под очарованный твой кров
Замедли я ноши возвратом

Е.А.Баратынский

1

Все известное озеро в кроне тугой;
Горизонт навиданья, проталенный последок —
Разворот головы на сферический слой
Облаков, островов, где прославленный предок,

Намывающий ночь в темной фиолет,
С золотом осинкой в прорыженный холод,
В образ бросит свой взор, — и как ткань на просвет,
Осинавает радость в воротах и за ворот.

Начинается выход, касаньем грозясь,
Встлеивается приная цвель на облатке;
Клеяная бумажная связь или связь, —
Голод свода, свезущий вемех; и на грядке

Израстание звезд, колготящих в бутон,
Вспускающих в щелки окна и наката,
То ли свет, то ли звук, то ли взгляд, то ли стон...
Все смолчавшее слито и смято.

И проясься, по единому слогу в силени,
Каклкий корень, наизворот павший,
Оплетает и в поднож, в сырые лески
Плод упрятет, всю землю впитавший.

Итан в привязях; оцет, распушка, страха!
Отпустить воссоедин от мирной, от кровной
Ноздревой теплоты. Раздувает меха
Не ковац, а толмач; и волнуется неровной

Речью тою, наслушанной в ошупи лиц;
Повележеньем и велух обернувшимся служкой!
И в густом всеязычии сел и столиц,
С медной денешкой, в ночь с погренушкой...

Долю в долю! судьбу в удержания час,
В настоящий шаг обнищанья...
Плоть поется! и кто-то расслушает нас,
Достоверно сознав до прещанья.

Слышнись, общая ополань — забота на мя
Присыкает, как горлом, кором,
И ведет изъяснять, вечной хакдой томя,
Из колодца смертельной игром.

В лет по воздуху вольному пушу пера,
Странно строя, но с полною верой;
Наша память, как в поле небесном наша
Млечной чести серебряно-серой.

2

Досито в тоню налто селымин,
Захребетенных ветвей и плетений.
Небо и небиль, один на один...
Дес, повторивших себя средостений,
Может быть высказан в славе такой,
Что недостойно признать. За строкой

Проще летчает. Во мискестье "за" —
Больше не состоит семя страданья
Литературного. Тушка-слеза
Не зависит, и в миг расставанья
Не промывается кожа лица
Именем вещи. Стихо из свинца

Водит и ведает: смысл и нанес!
Место свидания переносимо.
И назначастся часто всерьез
Туча, плывущая мимо,
Невозвратным путем торжества,
Царским подергом признанья;

И преступают в удел и в права
Знаки ялденья. Довнанья,
Сам судия полумесец-сирец,
Препровожающий радость порыва

Строго снижает! И телу венец
Гость неспящий. Снова снова

Не образуется. В двух толчках
Больше не мглы минута в минуту,
Но окружения жизни в очах,
В малый цветок, звездный колено:
С лету, со стрелоту — плас кузнеца;
Кур лавианье, зола и пыльца...

Что же, огни на горе и в саду —
Это немало для каждого вместе
С тем согляданием, что на виду
Ночь и днем; а в заваженном тесте...
Зорь румяную прочит рука,
Также сминая крутые бока.

Должно заказывать близость и связь,
Переводиться повтором, — и даже —
Слит краснотам, над слитом склоняясь;
И оставаясь, питаюсь на страже,
Бросам бодриться, остатком для тех,
Кто восторгает заботой и болью

Все ползновения! слабость и грех
Вая на себя — и возмущенной ролю
Спрятан глаза, на рассыпанном дне...
Мчать, волочиться, срывать во сне;
Падать на теплые локти десни!
В месте свидания мы сведены

Местом и временем. Вреня и речь —
Преодоления густого простоя.
О, ничего не держайте сборечь,
Кроме как самое слово простое,
А нахождение услия молни —
Крепость веков; прирастанье листов

Снегом, дождем, прикипевшей грозой,
Величьи шумом и птичьим испугом,
Светом зеленым, огнем с бирзой; —

Все к одному и в единстве друг с другом,
Не отчуждался ни в чем из добра,
Нам любоваться любовью пора.

Разумом знаю, в рожденьи рожден,
Куплен ценою и плоть не скретен,
Жиздан женою, кремень с полуден,
И в постижении лад ненасытен;
Лягала зубами остыв и устав...
Вот водоной в царскосельских верстах!

Кроме как смут не зря, отразясь,
А глубиной не достало заняться.
Ны и качаясь, стенаю вилясь;
Не заменитьсь, чтоб с небом обняться...
Лянь завоку по усердию глаз,
Голое лерку, сознавая рассказ.

Вся от ноготей по представленным дням,
Словно стронительный возглас, вечерит, -
Дорого бродит, а в ночь по огням,
По отцветаниям удостоверяет;
Духом пыла из-под крыш и ланной,
Лянь, проливается светом сильней,

Чем по себе остается самой;
Рядится, лает поддечья и траты;
Не за всеобщей звездой световой
Распространенья, разъятия, раскаты, -
То, что бивает и то, что пролетит:
Лад и отдумье, заровня и мед.

В ночи и нечисленными, - и без числа,
На подпадения слышания чисто, -
Всем, кто сидит и стоит у стола
Место и время, а местность горюста,
Роща ветвиста, речиста река...
Ночь не проходит, лиснет слегка.

В очередь кончилась мгла на кру.
Холод сверканья захватил делесим
Сном монотонным. В прохладном пару,
Наменотес, проследив за колоссом,

Сослепу, спрятав затылок в крыла,
Чертит кривую проколку ликанья,
Еле возможным ударом стебла -
Посоха холода в землю светанья.

Значит ли? тонкая поступи грань
В рань предрассветную больше, чем значит;
Или опять, возложенные длань,
Преобретутся, простынут, проплачут -

Год напролет, набивающий шаг,
Только за тем, чтобы тешиться тенью!
На иноходь понадеясь за так,
На непролазном стремленьи к хотенью.

Смена до света огульных вершин
Чтит шевеленья в губах сердобольных.
Даже! ...и только тогда... порошки
Пороха вихоля течений продольных

В кружеве халых зарниц на цветах,
Ласки оскала в промятости взгляда;
В потепления тьмы на пятах -
Общее отчее чувство наряда

Снизанной нити живого ковра
В полразделеньях челночных нахолод:
Травли, печати, зарезки, тавра -
Всех заселений, окраин, слободок!

Окон - мкен в набухающий свет,
По инородству протолкнутой крови!
В дорах сетчатых, рассветных помет;
В духе и в доме, в молчаньи и в слове,

Важно забыть о привязанных днях,
Тем осторожней исправить вцепенье
Лич, надзирающих солнечный стег,
Вдавшихся в смысл и состав повеленья.

Чаще, чем грезится, встреча и лик
Так высены и в таком полномощьи,
Что невозможно, чтоб взгляд не проник,
Страхи минуя, сомненья и страсти.

1976-1981 гг.